

ИРИНА
МУРАВЬЁВА

Книги ИРИНЫ МУРАВЬЕВОЙ –
подлинное украшение вашей библиотеки,
изысканная проза для настоящих гурманов
в литературе:

- Любовь фрау Клейст
- Веселые ребята
- Портрет Алтовити
- День ангела
- Напряжение счастья
- Сусанна и старцы
- Жизнеописание грешницы Аделы
- Отражение Беатриче
- Страсти по Юрию
- Вечер в вишневом саду
- Полина Прекрасная
- Райское яблоко
- Соблазнитель
- Имя женщины – Ева
- Ты мой ненаглядный
- Дневник Натальи
- Елизаров ковчег
- Младенческие опыты женщины
- Шестая повесть И.П.Белкина
- Сады небесных корней
- Вечеринка

Семейная сага «Я вас люблю»

- Барышня
- Холод черемухи
- Мы простимся на мосту

ИРИНА
МУРАВЬЁВА

В Е Ч Е Р И Н К А

Москва
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рус=Рус)6я44
М91

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Муравьёва, Ирина.
М91 Вечеринка : сборник / Ирина Муравьёва. —
Москва : Эксмо, 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-04-096901-2

Художественная емкость, духовные акценты каждого рассказа в этом сборнике оставляют ощущение органического единства. Муравьёва может писать о любви, ревности, измене, но она неизменно нащупывает главное: тот узел, внутри которого жизнь сопрягается со смертью. Через полгода после похорон мужа женщина узнает о его неверности, дворничиха приводит в свою коммуналку девочек, оставшихся без ночлега, бандит погибает от руки сообщников, но в последний вечер на его долю выпадает чувство, которое переворачивает всю его душу... Каждый сюжет разомкнут навстречу судьбе, прячущейся внутри него.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рус=Рус)6я44

ISBN 978-5-04-096901-2

© Муравьёва И., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ВЕЧЕРИНКА

Воскресенье, двадцать четвертого мая, Комаров выпал из окна. Природа сияла, и даже стаканы в руках алкашей сияли, как звезды на небе. Комаров выпал из окна случайно. Внизу собирались жарить шашлык. Это было замечательное время. Каждый выходные собирались у Комаровых мужчины и женщины, и начиналось веселье. У всех были машины, ракетки для игры в бадминтон, надувные матрацы. У некоторых даже сумки-холодильники. Многие носили шорты, а женщины перехватывали распущенные волосы пластмассовыми коричневыми обручами. Конец шестидесятых, шашлыки, надувные матрацы, «Три плюс два», Давид Ойстрах, Миронова и Менакер. Июль проводили, как водится, в Пярну, зимой — две недели — на лыжном курорте. В Чечне все спокойно, в горах ледники, цветут эдельвейсы. Повстанцы, бандиты и боевики еще мирно спят в колыбелях, а многие пока даже не родились на земле.

Комаров перегнулся через подоконник. Он хотел, чтобы шашлык сбрызнули водой — сочнее намного, — и вдруг его полное теплое тело сползло, как тяжелое тесто. Сползло и упало, подмяв своей тя-

жестью цветущую пену лиловых кустов. Оно расте-
лось по траве и вдруг стало мясистого, красного
цвета.

К нему с криками бросились со всех сторон. Он
был жив и успел прохрипеть, что все нормально, хотя
чувствовал, как голова нетерпеливо, с тянущей болью,
отрывается от тела и уходит, спотыкаясь на беззвучных
ногах. Он помнил, что баранину нужно сбрызнуть
водой, иначе она сгорит, и поэтому попытался под-
цепить голову ладонью, как новорожденного в коры-
те, но голова выскользнула. Наступила темнота, в ко-
торой оглушительно застрял визг «Скорой помощи»
и не успокоился, пока кто-то с неба, услышав его,
задул этот крик, как ненужную свечку.

В Институте Склифосовского Марине сказали, что
муж ее выпал очень удачно и, наверное, выживет.
Но Комаров умер. Ночью, когда на столицу обру-
шился ливень, в его задремавшее сердце попал стус-
ток крови.

Без Комарова жизнь почернела и принялась раз-
лагаться. Тошнотворный запах людского равнодушия,
безденежья и непроходящей усталости поднимался из
ее глубины. Однако нельзя было просто так сдаться.
У них были дети. Две тощие девочки: Оля и Лена.

В самом конце августа внезапно выпал снег и не
растаял даже к полудню. Тридцать первого, в теплых
куртках поверх летних платьев, бледные и серьезные,
Марина и девочки купили лохматые красные астры.
На астры налипла земля. Смывая ее, она вспомнила,
что он сейчас тоже в земле, и заплакала.

Девочки заметили, что за три летних месяца мама плакала так много, что на ее щеках появились длинные морщины, словно слезы размыли кожу, образовав специальные борозды, по которым им было удобнее и быстрее стекать.

Папин костюм, сшитый в ателье по заказу из очень хорошей «английской», как говорила мама, шерсти, купил дядя Игорь, живший в первом подъезде. Папины ботинки ему не подошли. Велики. Когда папа был жив, он возвышался надо всеми кудрявой, лысеющей головой, как дерево, случайно оказавшееся среди молодых неуверенных саженцев. Дядя Игорь, купивший папин костюм, как назло, все время попадался им на глаза именно в нем, и возникало иногда чувство, что это папа садится в машину дяди Игоря и уезжает на работу, даже не взглянув на них.

Мама вдруг стала такой забывчивой, что уже не заглядывала к ним в комнату перед сном и не говорила «Спокойной ночи». Девочки простили ее. Бабушка Зоя, мамина мама, иногда приезжала из Калуги и жила у них по две-три недели. Варя им компот или штопая кофточку, она говорила, что нужно терпеть, тогда все пройдет. Один раз они спросили, что это значит, потому что в глубине души надеялись, что папа воскреснет, и именно это она сейчас скажет. Но бабушка вдруг объяснила, что все станет лучше, когда будут деньги. Про деньги они понимали одно: прекрасно, когда их «хватает». У папы всегда их «хватало». Ведущий фотограф в «Советском экране», он был нарасхват. Его приглашали

и брали повсюду, включая Италию и Будапешт. У них была вкусная еда (не очень полезная, правда, но в те времена любили все то, что отнюдь не полезно, зато очень вкусно), и мама подавала к завтраку тоненько нарезанный сервелат, сыр «Виолу» с оскаленной блондинкой на этикетке, красную икру и печенье «Мария». А папа пил кофе, чернее, чем деготь. Иногда у них в доме появлялись известные артистки, вроде Немоляевой и Мордюковой, и мама кормила артисток обедом, хотя они вечно куда-то спешили и ели салат оливье в зимних шапках. От Мордюковой так сильно пахло духами, что часа полтора после ее ухода квартира продолжала благоухать, и запах этот уходил медленно и неохотно, как будто ему хорошо было с ними, он втерся, пригрелся и хочет остаться.

Но папа упал из окна. Папа умер. Соседи шептали, что папа: «погиб». Костюм из английской шерсти носил дядя Игорь, а мама продолжала плакать. Ее зарплаты младшего редактора АПН не хватало на жизнь. На прежнюю жизнь. Все папины вещи: ветровка, дубленка, мохеровый шарф, ушанки, перчатки поплыли из дома, как рыбы. Их переловили друзья и знакомые. Потом кинокамера, магнитофон, часы, зонтик, купленный в Риме на рынке, и даже (смешно сказать!) желтые плавки ушли вслед за всем остальным. Он не торопился покинуть свой дом. Он медлил, как запах духов Мордюковой. Поэтому много осталось в шкафу. Еще можно было продать его шляпу, очки от палящего южного солнца, всю обувь,

два свитера, бриджи из замши. Она не притронулась к этим вещам.

В АПН знали, что Марина овдовела. Все знали. Последняя уборщица с потускневшими от пьянства бегающими зрачками теперь не плевала ей вслед, как всегда, заметив еще одну новую курточку, еще одни новые белые брючки, а вежливо кланялась и бормотала: «Ну, дай тебе Бог!» И все потому, что Марина, вдова, вдруг стала: своей. Чужое несчастье всегда вызывает здоровое чувство родства.

Подруги с такой интонацией, будто пытаются быть еще лучше, добрее, вздыхали: «Мариночка, не раскисай!» Но только прошел первый шок похорон, поминок, сочувствия, недоуменья, нырнули обратно к себе, в свои норы, где пахло мужьями, детьми и любовниками, которые все порывались уйти в чужую, где пахнет острее, нору.

Но тут наступила зима. Загудели ветра в проводах, засверкали сосульки. Какие теперь шашлыки? Спасибо, что есть у людей хоть дома, а те, у кого нет домов, есть вокзалы. А те, у кого нет вокзалов, — подъезды. Короче: раз ты человек на земле, ты должен на ней выживать. На то тебе Богом дан разум. А звери? Бежит, вон, собака за легкой поземкой, торопится, словно ее заждались. Но это неправда. Кому ее ждать? Одной шавкой больше, одной шавкой меньше.

Марина чувствовала, что каждый новый день качается под ее ногами, как палуба. Та внезапность, с которой ушел он, притаилась за спиной и ждала только того, чтобы захватить ее врасплох. Просыпа-

ясь по утрам, она не сразу открывала глаза, а несколько минут лежала тихо, со страхом прислушиваясь к знакомым звукам своего дома и убеждаясь, что все по-прежнему.

Валя жила на втором этаже с дочерью Лерой. Летом она носила пестрые косынки, которые завязывала над лбом большими бантами, зимой набрасывала ажурный вязаный платок поверх меховой шапки. У нее был хищный рот и маленький, нечетко прорисованный профиль. Все знали, что она никогда не была замужем, поэтому, когда Валя принималась фантазировать, что муж ее погиб на неведомых «испытаниях», слушать это было неловко. Марина не только не дружила с этой еле заметной в мире Валею, но чувствовала к ней легкую неприязнь, хотя Валя несколько раз предлагала посидеть с девочками вечером, когда Комаровым нужно было уйти в гости или на очередную премьеру в Дом кино или Дом актера.

— Да я с удовольствием! — хрипловато уговаривала Валя. — По-соседски!

И каждый раз, не желая сближений, Марина говорила, что ничего не нужно. Теперь Валя с непонятно откуда взявшейся развязанностью останавливала Марину то на улице, то в магазине, то просто звонила ей в дверь: поболтать.

— Ох, вдовы мы, вдовы! — Валя крепко хватала Марину за локоть, а глаза ее при этом затуманивались, как будто воспоминания, подобно мелкой ряби на воде, мешали ей смотреть Марине в лицо. —

Осталась я с девкой, а ты — с двумя девками. Красивые обе и с образованием, но ведь мужикам-то не этого надо!

В одну из серебряных, очень холодных, пустынных ночей со среды на четверг Марина во сне вдруг увидела Валю. Валя ждала ее на самом краю обрыва, который Марина сразу узнала: когда-то в детстве они снимали дачу неподалеку. Женщина, в которой Марина сразу разглядела Валю, на самом деле несколько не походила на нее, — она была высокой и черноволосой, но Марина со страхом поняла, что это и есть настоящая Валя, которая скрылась внутри этой женщины, как люди скрываются, скажем, за ширмой.

— Зачем ты ребенка себе завела? — спросила высокая Валя и сдула со лба ярко-черную прядь. — Он целую книгу тебе перепортил. Купила ему акварельные краски, так он тебе все там и зарисовал.

Она показала Марине страницу, замазанную ярко-желтым и красным.

— А это китайская книга, чужая! — сказала ей Валя. — Давай я его унесу. Ну его!

— Куда ты его унесешь?

Они обсуждали ребенка, который испортил китайскую книгу.

— А можно и бритвой, — сказала вдруг Валя. — Ведь он там в пакете. Разрежем, и все.

Валя предлагала открыть верхний ящик комода, потому что ребенок находился именно там и был завернут в пакет.

— Ты можешь поранить его, — усомнилась Марина.

— Да нет, ни за что, — объяснила ей Валя. — Уж сколько я так доставала, подумай!

И вынула лезвие.

Сон был настолько страшен, что, проснувшись, Марина с головой накрылась одеялом и там, в темноте, слушала, как дико и гулко стучит ее сердце. Потом захотелось пить, и, преодолевая себя, она нашарила босыми ногами тапочки, пошла на кухню, где долго пила воду прямо из чайника.

Вечером, возвращаясь домой, Марина увидела в лестничном пролете рядом с почтовыми ящиками Валу, закутанную в пуховый платок.

— А я к тебе, — простуженно сказала Валя. — Завтра гостей собираю. Двое разведенных будет. Не плохие мужики, хотя, конечно, на любителя. Приходи.

Марина начала лихорадочно искать ключ и не ответила.

— Писем ждешь? — усмехнулась Валя. — Напрасно. Придешь завтра?

— Лена у меня болеет, — сказала Марина. — Я вряд ли приду.

— Сейчас все болеют, — ответила Валя. — Я температуру нарочно не меряю. Купи тогда торт. Не важно, какой. Из нашего дома зову только лыжника. Конечно, с женой. Но она не пойдет.

Марина широко открыла глаза. «Лыжник», тренер олимпийской сборной, жил на пятом этаже. Он был суховатым, спортивным, всегда загорелым. Стремительный шаг и улыбка такая, что можно ослепнуть. Жену свою Машу привез из Белграда, она говорила по-русски с акцентом, хотя прожила в Москве лет восемнадцать.

— Ты знаешь: у Маши отрезали грудь, — сказала Марина. — Ты знаешь, что Маша больна?

— Я знаю, — ответила Валя. — Наверное, он не придет. Я для интереса, попробовать только.

У жены лыжника обнаружили рак груди и недавно сделали операцию. Несмотря на то что приехавшая ей помочь черноглазая мать совсем не говорила по-русски, а лыжник продолжал ослепительно улыбаться, сталкиваясь с соседями, подробности неизлечимого заболевания быстро просочились, и теперь, встречая стройную Машу в длинной югославской дубленке, совершенно спокойную, хотя всем казалось, что за этим покоем ее должен прятаться ужас, жильцы начинали фальшиво шутить, словно не догадываясь, что Машу мучают бесполезной уже химиотерапией, и эти блестящие черные волосы — не волосы вовсе, а финский парик.

— Они не придут, — повторила Марина. — Чего там «попробовать»?

— А я вот не знаю! — и Валя закашляла в теплый платок. — Она не жилица, ты видишь сама. Его все равно кто-нибудь подберет.

— Не стыдно тебе? — задохнулась Марина.

— Я их пригласила обоих! — отрезала Валя и снова закашлялась. — Я, может, помочь им хочу. Пускай хоть развеются.

Марина махнула рукой и, обогнув Валю, начала подниматься по лестнице.

— Ты только святую не строй! — сказала вслед Вале. — А вдруг он возьмет да захочет тебя? Ты что, его выгонишь?

Слова эти были глупы и бесстыдны. Но как вот, бывает, идешь по траве, не чувствуя шага, и вдруг натыкаешься на что-то, что кажется дико горячим, и не понимаешь еще до конца, что ты наступил на осколок бутылки, а это горячее есть твоя кровь, и ты застываешь — нелепо, растерянно, — вот так и Марина вдруг остановилась на мокрой от липкого снега ступеньке. Она уже мысленно приноровилась, что с этим покончено. Есть одиночество, пустая постель и две дочки-сиротки. Промозгло, темно и густой валит снег. Кого она может хотеть и зачем? И кто вдруг захочет ее? Однако, минуя рассудок, из самой ее глубины, изнутри напрягшегося живота, поднялось столь жгучее воспоминание жизни — столь жгучее и столь внезапное, — что, желая убить, уничтожить его, залить, как огонь заливают водою, она обернулась и прямо в лицо бессмысленной Вале сказала:

— Посмотрим, на месте решу.

— Ну, то-то! — и Валя пошла к себе вниз. — Так, значит, к семи. И про торт не забудь.

Девочки лежали на ковре, уставившись в телевизор. Уроки они не сделали, кружевные воротнички и ман-

жеты не выстирали. Они оттопырили локти, подобно тому, как птенцы, не умея летать, боясь высоты, широко раздвигают костлявые крылья, поросшие пухом, и шеи их были такими же хрупкими, как шеи птенцов.

На Валиной вечеринке было шумно, бестолково и накурено, хотя везде открыли форточки, и снежной, ночной синевой неслось в этих форточках небо, принявшее облик чего-то подобного людскому житью и людскому характеру.

— Соседка пришла! — закричала вишневая, потная Валя. — Знакомьтесь, знакомьтесь! Сейчас я гуся принесу!

Упала, в ажурных чулках, на колени, открыла духовку. Марина увидела черную спину зажаренного гуся.

— Ах ты, негодяй! — и Валя всплеснула руками. — Сгорел негодяй!

— Да что там: сгорел! — зашумели вокруг. — Его поскрести, будет даже вкуснее!

Гуся поскребли. Он стал темно-коричневым. И тут в коридоре Марина увидела лыжника. Лицо его было такого же цвета, как кожа гуся. Улыбка сверкала на этом лице. Он был мускулист, разговорчив и весел. Жены рядом не было.

— Марина! — сказал он растерянным басом. — Какими судьбами?

— Такими же, как остальные. Как ты, например.

— Мы разве на «ты»? — просиял он, смеясь. — Ну, так даже лучше!